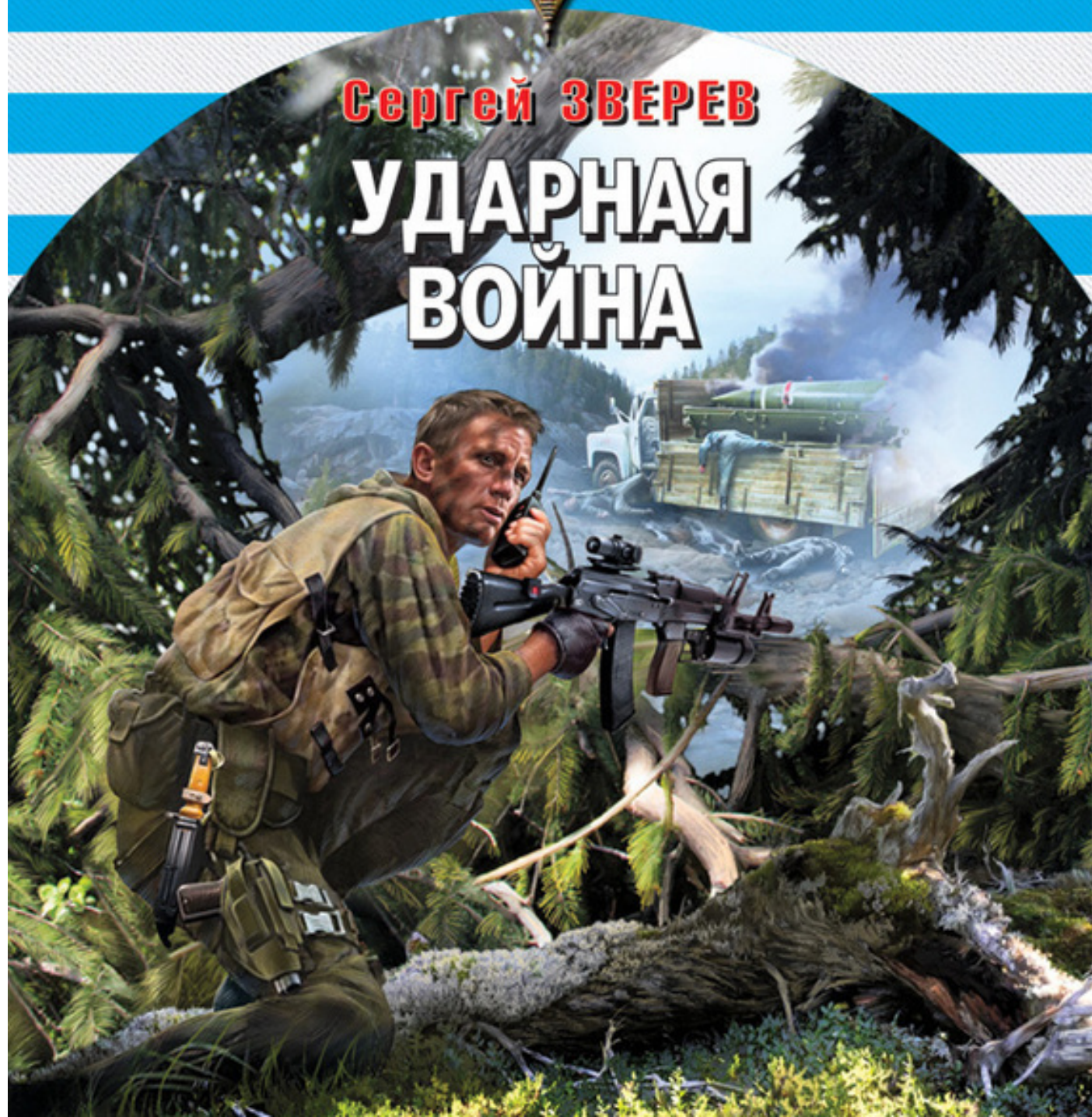

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ

**УДАРНАЯ
ВОЙНА**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Ударная война

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Ударная война / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Спецназ ВДВ)

С военной базы в Сибири украдена ядерная боеголовка. По данным разведки, похищение совершила группа выходцев с Кавказа. Спустя какое-то время после инцидента охотники случайно натыкаются в тайге на грузовик с трупами предполагаемых похитителей, боеголовки в грузовике нет. В ФСБ понимают, что кавказцев подставили. Агентура «роет землю» и вскоре получает информацию: опасный боезаряд следует искать в Благовещенске. К операции решено привлечь майора Лаврова и его спецназовцев, ведь сверхсложные и рискованные операции – это его стихия...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Сергей Зверев

Ударная война

Капитан Мельников вышел из караульного помещения и, глубоко вдохнув чистый весенний воздух, привалился плечом к одному из деревянных столбов, поддерживающих козырек над маленьким крыльцом. Прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной; после гомона в помещении и жужжания пультов всякий раз такой выход на воздух казался особенно приятным, единственным, можно сказать, удовольствием на дежурстве. Ну и еще можно добавить крепкий чай с карамелькой, без которого время тянулось бы с черепашей скоростью.

В роте не хватало двух командиров взводов и старшины, некомплект чудовищный, поэтому капитану приходилось заступать начальником караула практически каждый третий день, но Мельников уже привык к этому; выработался стойкий иммунитет к постоянным отрывам от семьи, все было, образно выражаясь, до фонаря. Дежурство так дежурство, мать его, ничего не поделаешь, из армии уходят все больше и больше офицеров, обычное дело в нынешние времена.

Вообще-то он вышел покурить, пора уже. Два часа как не дымил, но после стойкого смрада караульного помещения чистый воздух показался настолько вкусным, что портить его табачным дымом расхотелось. Капитан несколько минут просто стоял, дыша полной грудью и смотря на крупные звезды, ярко горящие в вышине. Вдохнул глубоко еще раз. Вроде оставлять подчиненных без присмотра надолго нельзя, но возвращаться внутрь не хотелось. И причина этому была весомая – вонь... Вентиляция была слабенькая, а в баню солдаты ходили две недели назад, тем более что портянки и нижнее белье весь батальон уже пару месяцев стирал вручную, под холодной водой, поскольку горячую еще в конце зимы перестали подавать из-за аварии в котельной. Никто, естественно, не стал устранять неполадку, не царское это дело – работать бесплатно, и оставшихся мощностей хватало только на обогрев помещений. Но ничего, скоро весна полностью вступит в свои права, небесное светило начнет греть основательно, и само собой станет полегче.

К тому же в меню последние две недели был один только горох. На первое – гороховый суп, иногда с коровьим выменем или салом вместо мяса, а на второе – малоаппетитная гороховая болтушка с соевым заменителем того же мяса. Ну на третье – обычный кипяток, слегка подкрашенный жженым сахаром, пить такое было невозможно. Но все это можно было выдерживать, если бы хоть деньги платили вовремя, а то последний раз эти приятно шуршащие разноцветные российские бумажки он держал в руках еще в апреле.

Ротный покосился в сторону леса, за которым скрывался небольшой военный поселок, и тяжело вздохнул. Деньги, деньги... когда же их будет достаточно? Жена забыла об украшениях, смирилась, а дети... нормальные сладости детям он последний раз покупал четыре месяца назад, да еще перед самым Новым годом в военторге выдали на каждого ребенка по две кривых шоколадных плитки с давно истекшим сроком годности, записав в аршинный список долгов капитана еще несколько сотен рублей.

Дверь из караулки с грохотом распахнулась, чуть не слетев с петель, и на пороге появились двое солдат, возглавляемых разводящим. Лица были хмурыми, оно и понятно почему: грязь, непогода, служба...

Мельников попытался угадать:

– Опять Главный Створ голосит?

– Так точно, товарищ капитан. Он, зараза, – подтвердил догадку разводящий и, с трудом сохраняя равновесие на раскисшей от дождя дорожке, бросился к калитке. Солдаты последовали за ним, бряцая оружием.

Мельников раздраженно сунул так и не прикуренную сигарету в пачку и, резко повернувшись, вошел в караулку, закрыв за собой дверь. Последние два часа сигнал тревоги Створа срабатывал уже добрую дюжину раз, словно взбесился или задался целью проверить предел терпения караула.

Пульт ТСО ответил сразу. Капитан покосился на мигавшие лампочки, с трудом удержался от мата, поинтересовался:

– Костя, ну что там с этой сигнализацией?

Контролер, дежуривший сегодня на пульте, последнее время пребывал в приподнятом настроении. Его контракт истекал через неполный месяц, заканчивалась каторга, в которую влез добровольно, и он уже давно упаковал свои скудные пожитки, чтобы, не задерживаясь более ни дня, покинуть этот богом забытый военный поселок. Карьера в армии уже не казалась ему чем-то стоящим нервов и затрачиваемых усилий. Человеком стать можно и на гражданке, если уж хочется жить хорошо, то здесь по-любому делать нечего.

Контролер проворчал:

– А чего ты хотел, Сергеич? Все ж разваливается, буквально на глазах рассыпается, техника чудом просто дожила до наших дней. Я не удивлюсь, если завтра вообще работать перестанет.

– В общем, так, Костя, бросай свои дембельские настроения и отрубай Створ к чертовой матери. – Мельников не удержался и закурил прямо в помещении, проговорил сердито в трубку: – А иначе у меня люди так и будут всю ночь к нему бегать как спортсмены. Я туда лучше дополнительный пост выставлю, от греха, до смены как-нибудь дотянем.

– Это как знаешь, капитан, – весело отозвался контролер. – Только имей в виду, мне придется все рубежи отрубать. Там еще летом все датчики пришлось на одну линию вешать, сгнило все на хрен.

– Ну и черт с ним, – закончил разговор капитан и, бросив трубку, придвинул к себе План боевой службы, чтобы сделать запись о выставлении дополнительного поста. В этот момент в караул ввалились вернувшиеся с проверки солдаты.

– Я приказал сигнализацию отрубить, – сообщил Мельников разводящему, едва тот подошел. – Подними-ка вторую смену третьего поста, выставим дополнительный. У меня через полчаса проверка, вот солдатика туда и отведу.

– Это мы в секунду, товарищ капитан, – обрадованно отозвался разводящий, который уже осатанел от постоянной бестолковой беготни. Солдаты переглянулись, и широкие улыбки расцвели на их вмиг посветлевших лицах.

Спустя полчаса капитан застегнул ремень, портупеею поверх шинели, надел перчатки и, окинув взглядом тощего солдата-первогодка, спросил:

– Все понял, солдат?

– Так точно, товарищ капитан, – уныло отозвался тот. Положенный ему по уставу сон можно было забыть и никогда больше о нем не вспоминать. Ничего не поделаешь, служба – дело нервное и полное лишений. Одна дедовщина чего стоит.

– Не переживай, солдат, – усмехнулся капитан. – В присяге что сказано? Стойко переносить все тяготы и лишения военной службы... Вот и переноси, крепче будешь. Может, и до генерала дослужишься.

Бедолага уже не в первый раз такое слышал, но вида старался не подавать; в гробу он видал эту службу и все, что с ней связано, даже генеральские погоны даром не нужны. Говорили же родители: иди в институт, сынок, иди учись, а то в армию заберут...

Голос часового сделался совсем бесцветным:

– Так точно, товарищ капитан...

Десятикилометровый обход по периметру объекта Мельников привычно завершил за два часа. Хотя пришлось немного поднажать и основательно вспотеть; весна выдалась дождливая, и все раскисло до ужасной степени, даже по асфальту передвигаться было проблематично, лужи, грязь, остатки снега.

Обычно ночью выставлялось всего два поста – КПП на въездных воротах, и патрульный на периметре, так что маршрут проверки был отработан еще сто лет назад, но сейчас пришлось сначала выставлять пост к Главному Створу шахты. За субботнюю ночь с небес пролилось немало осадков, но ни вчера, ни сегодня небесная грелка так и не удосужилась хотя бы немного подсушить бренную поверхность, так что к Створу пришлось пробираться по грязи. Преодолев последнюю лужу, капитан потопал ногами, отряхивая сапоги, снял трубку под дырявым, покореженным караульным грибком, пару раз привычно стукнул ею о столб, чтобы сдвинулась отсыревшая мембрана, и вызвал караул.

Связь была, как всегда, отвратительной: шипение, обрывки слов, мат, прочее малопонятное.

Мельников скривился, обернувшись:

– Вот что, солдат... докладывать будешь простым снятием трубки. Один хрен, ничего не слышно. Так что снял, стукнул о столб три раза, подержал и вешай на место. Я хотя бы буду знать, что ты еще живой. Все запомнил?

– Так точно, товарищ капитан, – привычно отозвался первогодок, снимая со спины автомат и становясь под грибком.

Ротный двинулся дальше.

Когда он уже подходил к караульному помещению, слева, у ворот, показались фары. Капитан бросил взгляд на запястье руки; пять часов, привезли завтрак караулу. Он немного постоял, докуривая, и вошел внутрь, вспоминая, куда дел бидончик для супа.

Гога приставил автомат к стволу дерева, усевшись поудобнее. С недовольным ворчанием стряхнул с волос сухие хвоинки, что постоянно сыпались сверху, едва налетал порыв сырого ветра. Погода да и все остальное разительно отличалось от того, к чему привык у себя на родине; здесь небо в постоянных тучах, обильные дожди, сам воздух казался чем-то тяжелым и вполне осязаемым, дышалось тяжело. Гога покосился на своего старшего брата Мурада. И как он смог прослужить два года в таких условиях? Правда, это было двенадцать лет назад, еще во времена Советского Союза, но вряд ли за прошедшее время погода сильно изменилась. Еще неделя, и запросто можно покрыться плесенью, а то и вовсе подхватить простуду.

...До небольшого городка, затерянного в сибирской тайге, они добрались несколько дней назад. Вся их группа была разбита на пять команд численностью от трех до пяти человек. Гоге повезло попасть в одну команду с Хабибом, арабом – командиром всей группы. Кроме него в его команде был Мурад, старший брат, лучше всех знавший секретный объект, который и был их целью, поскольку Мурад оттрубил на нем срочную от звонка до звонка, так же был Ахмад, побратим и верный помощник Хабиба, тоже араб, и еще один молчаливый тип, то ли араб, то ли турок, хрен поймешь какой национальности, о котором Гога не знал практически ничего; тот постоянно молчал и за все время вряд ли произнес больше десятка слов.

Их команда оказалась единственной, которая остановилась в гостинице. Тетка-регистраторша приняла их довольно равнодушно. Только поинтересовалась, оглядывая новых постояльцев:

– Чего привезли-то? Мандарины или виноград?

– Виноград, красавица, виноград, – поспешно согласился Ахмад, лучше всех знавший русский язык и разговаривавший практически без акцента.

– Ну так угостили бы, на рынке же не укупишь, а если и есть возможность, то поди разберись, какой привозной с ваших краев, а какой пять раз перепроданный и перекупленный вовсе из Китая.

– Обязательно угостим, – снова согласился Ахмад. – Завтра принесу. Как фуру разгрузим, так и принесу. Специально для тебя выберу, красавица, ты такого еще в жизни не пробовала.

– Я утром сменяюсь, – сожалеючи вздохнула регистраторша. – И заступлю только через два дня.

– Значит, через два дня, – Ахмад растянул губы в широкой улыбке. – Какой разговор, красавица? Мы тут надолго, еще надоест успеем.

Весь следующий день они отсыпались и играли в нарды, а вечером Хабиб вместе с Ахмадом, Мурадом, арабом и пятью старшими групп пошли через лес к объекту, собираясь составить четкий план. И несколько часов лазили вокруг, разглядывая его в бинокли и приборы ночного видения. Требовалось выяснить количество постов и график смены караулов.

На следующее утро, когда Хабиб с Ахмадом и арабом спустились в гостиничный ресторан, Мурад, похохатывая, рассказал, как Хабиб и араб намучились за ночь. Они вывозились в грязи по уши и проклинали все кусты и деревья в радиусе трех метров от тропинки, заодно стерли животами все встретившиеся на пути спуски и подъемы, постоянно оскальзываясь и падая. Гога вежливо улыбался, а сам с ужасом думал о том, что ему это еще предстоит. Старшему брату с Ахмадом хорошо, еще успели послужить в Советской армии. Хотя, если послушать их рассказы, выходило, что повезло как раз Гоге. Повезло из-за того, что не успел побывать в том бардаке, который довелось испытать им.

Когда трое командиров вернулись из ресторана, в номере их уже ждали все, с кем они вечером ходили к объекту. Араб раскрыл кейс, вытащил оттуда схемы, фото, сделанные то ли с воздуха, то ли вообще из космоса, и еще кучу каких-то распечаток. Разложил все аккуратно на столе, руководствуясь определенной последовательностью.

Ахмад подозвал Гогу и, сунув ему несколько сотенных бумажек, приказал:

– Быстро на рынок, купишь килограмм восемь-десять винограда. Начнут спрашивать, откуда мы здесь, скажешь: из Дагестана, приехали разузнать насчет торговли шинами. Но особо не распространяйся, старайся держать язык за зубами. Так, спросят если, то ответишь.

Гога удивленно уставился на Ахмада:

– Ты же сказал, что торговать будем виноградом...

Ахмад усмехнулся:

– Э-э-э-э, для этих русских все кавказцы мандаринами или виноградом торгуют, а на рынке своим так говорить нельзя. Зачем людей беспокоить и себе лишние проблемы создавать? Конкурентов никто не любит. У тех, кто здесь давно торгует, милиция прикормлена, да и лишние им не нужны.

Гога восхищенно покачал головой. Ну, Ахмад, ну дает, обо всем подумал, все предусмотрел.

Вернулся он через два часа.

В номере стоял горьковатый запах кофе и кислый – немытого мужского тела, после свежего весеннего воздуха ударивший в нос слишком сильно. Схемы и листы фотоснимков были разбросаны по всему столу, некоторые даже покрывали пол и подоконник, а все находящиеся в номере деловито раскладывали коврики, готовясь к намазу. Это означало, что все уже согласовано, распределено и до начала операции остались считанные часы.

Несмотря на то что все они были в военном походе и Коран разрешал не соблюдать время намаза, Хабиб никогда не начинал серьезного дела, предварительно не обратившись к Аллаху.

Гога поспешно сгрузил пакеты с виноградом на одну из кроватей и достал свой молебельный коврик.

В полночь они покинули гостиницу...

За спиной послышался хруст веток, чавканье сапог и шуршание опавшей хвои. Гога поспешно отстранился от дерева и схватил автомат в руки. Подошедший Ахмад, в офицерской шинели с капитанскими погонами, в портупее и фуражке с кокардой, остановился, недовольно отряхнулся от соринки, сыпавшихся сверху, и тихо выругался:

– Когда они наконец подъедут? Совсем продрог уже от сырости. Проклятая погода.

Тут из-за поворота послышался натужный рокот двигателя, и чуть погода стволы сосен, подходивших к самой дороге, осветились рассеянным светом фар.

Ахмад замер, выдохнув:

– Наконец-то!

И бросился к дороге, придерживая полы шинели, тщательно минуя лужицы и остатки снега.

Прапорщик Деревянко дослуживал последний год. Осенью ему исполнялось пятьдесят, и, несмотря на то что командир части уж точно пробил бы ему очередное, шестое, если быть точным, разрешение на продление срока службы, сам он оставаться не собирался ни за какие блага. Здоровье было уже не то, да и с деньгами совсем трындец.

Конечно, начальнику столовой извернуться было немного легче, чем остальным, но и с продуктами в последнее время стало настолько туго, что никакого резона задерживаться в этом богом забытом поселке не было. Офицеры и прапорщики, что помоложе, еще кое-как перебывались браконьерством, иногда приволакивая из тайги подстреленного из СВД лося, медведя или кабана. Тогда и начальнику столовой кое-что перепадало, поскольку он слыл в части непревзойденным мастером по копчению окороков. Но за последние пару лет таких вынужденных охотников в округе развелось незнамо сколько, так что поблизости всю дичь повыбили вчистую, а далеко уходить никто не мог; комплект командного состава в части был дикий, поэтому все ходили на дежурство практически через день – сдвоенные выходные были большой редкостью.

Поэтому никакого резона прапорщику Деревянко служить дальше не было, тем более что в небольшой деревеньке под Донецком его давно уже дожидался домик с огородом и садом, оставшийся в наследство от покойных родителей, да и на российскую военную пенсию на Украине прожить полегче... И климат там несравненно мягче.

Этим утром он, как обычно, прибыл на службу в четыре утра. Старенький «ГАЗ-53» с фанерной будкой, на котором развозили пищу, уже стоял у задней двери столовой, и ночная смена солдат-поваров загружала в будку термосы с завтраком для караула. Сегодня было воскресенье, и караул выставлялся только один, да и тот маленький.

Деревянко заскочил в свой закуток перед продуктовой кладовой, вот уже сколько лет служивший ему чем-то вроде кабинета, или офиса по-новому, принял на грудь сто грамм спирта от простуды, переоделся в бушлат, напялил резиновые сапоги, грязь та еще, и вернулся к машине.

Солдат-водитель ковырялся под поднятым капотом.

– Ну чего там у тебя? – недовольно осведомился начальник столовой. – Опять не заводится?

– Минуту, товарищ прапорщик, – не разгибаясь, ответил солдат и, спустя несколько мгновений, захлопнув капот, пояснил: – Провод закрепил на генераторе, отлетел, падла, еще бы чуть-чуть и пришлось бы аккумулятор на зарядку ставить.

– Не застрянем? – озабоченно спросил Деревянко, мало обратив внимания на подробности. – Сегодня выходной, сам знаешь, вытаскивать некому. Пока тягач пришлют, часа три-четыре пройдет, а то и вовсе до вечера там проторчим.

– Нет, не застрянем, – замотал головой солдат. – Все путем, товарищ прапорщик, если грязь будет, то по объездной пролезем, там песок и корни.

– Ну смотри у меня.

Они выехали из ворот. Часы показывали двадцать минут пятого. До объекта было около десяти километров по узкой лесной дороге, так что добраться до караула они должны были где-то к пяти часам.

Военного у поворота первым заметил водитель. Прапорщик мирно дремал на сиденье, подняв воротник бушлата.

Когда рассеянный свет фар осветил одинокую фигуру в офицерской шинели, стоящую на обочине и отчаянно размахивающую руками, солдат вытаращил глаза и, резко затормозив, воскликнул:

– Товарищ прапорщик! Смотрите!

Начальник столовой открыл глаза и резко выпрямился.

– Господи, откуда этот чумной? Да еще в такую рань, небось по бабам всю ночь шастал? Он открыл дверь и, высунувшись из кабины, закричал:

– Эй, командир, давай сюда!

Офицер закивал и быстро двинулся вперед, держа правую руку за спиной.

Дервянко прищурился:

– Не разгляжу, он что, нерусский, что ль?

– Похоже, чурка, – отозвался солдат.

Прапорщик открыл было рот, собираясь задать вопрос, но офицер вдруг выбросил вперед правую руку, в которой оказался пистолет с длинным толстым стволом. Дервянко испуганно замер. Пистолет пару раз дернулся, еле слышно шелкнув, и начальник столовой, в голове которого появились две новые дырки, медленно вывалился из кабины и упал у подножки машины.

Солдат попытался выскочить из кабины, уже почти получилось, но офицер запрыгнул на подножку и выстрелил несколько раз в спину. Потом слез на дорогу и замахал рукой, показывая остальным, что можно выходить.

«ГАЗ-53» развернулся и сдал задом к калитке караула.

Мельников уже стоял на крыльце и курил. Бидончик ждал своей очереди на столе в комнате начальника караула. Грузовик остановился, и разводящий с грохотом распахнул калитку. Оба солдата переминались рядом, ожидая, когда водитель откинет борт и можно забирать термосы и волоочь в столовую.

Ротный выбросил окурок и поднял глаза на звезды. В этот момент у калитки шелкнуло несколько раз. Ротный дернулся, но в калитку уже ввалились двое в черных масках, в руках у них были пистолеты с глушителями...

Один из ворвавшихся навел пистолет на капитана и приказал:

– Подними руки.

Мельников судорожно сглотнул, подчиняясь. Черный глаз глушителя смотрел ему прямо в лицо. Из глушителя ощутимо несло пороховой гарью, и это означало, что пистолет недавно стрелял. А значит, о судьбе старшего машины можно было не спрашивать.

– Капитан, у тебя жена есть?

Ротный еле разлепил губы:

– Да.

– А дети?

– Д-да.

– Хочешь к ним вернуться?

Мельников нервно кивнул.

– Значит, будешь делать все, что я скажу. Ты понял?

Капитан снова кивнул.

– Ну вот и хорошо. – Собеседник опустил пистолет. – Сейчас ты начнешь правдиво и обстоятельно отвечать на вопросы, которые тебе будут задавать.

Капитан качнул головой.

Другой нападавший в это время проскользнул внутрь караульного помещения. Мельников почувствовал, как у него пересохло в горле. Не отрывая взгляда от скрючившихся на земле тел солдат и разводящего, пытался понять, что же происходит.

И тут из кузова «ГАЗ-53» вывалились еще десятка полтора боевиков, в основном кавказского вида, вооруженных уже не только пистолетами, и ринулись внутрь караульного помещения, а спустя полминуты в караульный дворик вошел еще один кавказец, одетый в офицерскую шинель с капитанскими погонами, с точно таким же пистолетом в руке. Он окинул капитана насмешливым взглядом и что-то приказал на незнакомом гортанном языке своему охраннику. Парень скрылся в караулке, откуда уже слышались приглушенные щелчки. Капитан судорожно сглотнул и зажмурил глаза. Все происходящее казалось кошмарным сном, который вот-вот непременно должен закончиться.

Дверь караулки хлопнула. Мельников открыл глаза, но кошмар остался. На пороге караулки вновь появился охранник и что-то доложил «капитану», и тот, глядя на Мельникова в упор, приказал:

– Внутрь заходи.

Угрожающе добавил:

– И без глупостей, капитан.

И вот последние десять минут ротный сидел на табурете в такой знакомой комнате начальника караула и тупо смотрел в одну точку, время от времени отвечая на вопросы, а вокруг деловито шныряли абсолютно незнакомые люди. Переговаривались на гортанном языке.

– Итак, капитан, насколько я понял, ваш караул выставил только два поста. Так вот, должен тебе сообщить, что обоих ваших часовых мы... нейтрализовали. Им вздумалось оказаться у КПП, когда мы подъехали.

Мельников закрыл глаза и стиснул зубы. Дополнительный паек в караул не выдавали уже месяца два, а на свежем весеннем воздухе аппетит нагуливался быстро, и часовые-периметровщики в нарушение всех инструкций частенько поджидали «пищевоз» на КПП, чтобы выпросить у начальника столовой хотя бы кусок хлеба.

Следующий вопрос огорошил:

– А теперь мне нужно отключить сигнализацию Главного Створа шахты. Как?

Мельников пошевелился, но ничего не ответил. Его собеседник терпеливо ждал.

Ротный подвигал языком, хрипло откашлялся и просипел:

– Не надо... отключать... она уже...

– Что уже?

– Отключена...

Собеседник оживился:

– Поясни-ка.

Мельников снова откашлялся:

– Там это... ложных срабатываний много было... я и приказал отключить... я там пост дополнительный выставил...

«Капитан» вопросительно посмотрел на одного из боевиков, тот шагнул к столу, взял План боевой службы, заглянул в нужную графу и, криво усмехнувшись, кивнул старшему, протягивая План. «Капитан» быстро пробежал глазами и расплылся в улыбке:

– Отлично. А теперь давай вместе подумаем, как нам без шума избавиться от этого часового.

У Мельникова засосало под ложечкой. Собравшись с духом, он предложил:

– Я могу пойти и снять его с поста. Или можно послать разводящего. Больше он никого на пост не допустит...

Капитан запнулся, вспомнив безжизненное тело разводящего в проеме калитки. Продолжать не смог.

– Хорошо, – кивнул допрашивающий. – Только вместе с тобой пойдут двое моих ребят, подберем по комплекции, переоденем, повесим на плечо автоматы, а в спину тебе они уткнут вот такие штучки.

Повертел своим пистолетом с глушителем, повернулся к двери и скомандовал:

– Мурад, подойди сюда.

В проеме двери возник высокий кавказец с длинной винтовкой в руках. Винтовка была незнакомой конструкции, несколько вычурная, с массивным стволом, сошками и оптическим прицелом.

– Так вот, Мурад будет внима-а-ательно следить за тобой, капитан, скажем, с крыши караульного помещения. На всякий случай. Тебе все понятно, капитан...

Он заглянул в План боевой службы и закончил:

– Мельников?

Ротный на секунду прикрыл глаза и хрипло ответил:

– Да.

– Вот я и спрашиваю, капитан Мельников, тебе все понятно?

– Да.

Спустя десять минут он, обреченно опустив плечи и всем своим видом выражая абсолютную покорность, потерянно двигал ногами, пробираясь по грязи тем же путем, коим прошел совсем недавно. Сзади, тяжело дыша, двигались два боевика, переодетые в солдатскую форму. За следующим поворотом должен был показаться грибок часового. Капитан взглянул через плечо. Боевики, не слишком привычные к российскому бездорожью, неуклюже переваливаясь и едва не падая, торопливо топали сзади, не обращая на пленника особого внимания. Мельников глубоко вдохнул, развернулся и с силой толкнул боевика, шедшего прямо за ним. Тот изумленно хекнул и рухнул в грязь. А ротный рванул вперед и заорал осипшим голосом:

– Солдат! Стреляй, солдат!!! Стреляй, я тебе сказал!!!

Часовой, скорчившийся в бушлате под самым грибком, встрепенулся и ошалело спросил:

– Товарищ капитан, это вы?

– Стреляй, мать твою!!! – со слезой в голосе заорал капитан.

– Куда? – оторопело спросил солдат. – Куда стрелять?

Но ответить Мельников уже не успел, сзади часто захлопали знакомые щелчки, и капитан почувствовал, как ему в спину впиваются тонкие осиные жала. Он сделал еще несколько шагов, потом ноги его подвернулись, и он упал лицом в грязь. Последнее, что он увидел, был часовой, медленно оседающий по столбу караульного грибка.

* * *

Четверо генералов вот уже добрый час находились в приемной, а массивные двустворчатые двери кабинета все еще оставались закрытыми. Всех четверых выдернули со своих рабочих мест и приказали немедленно прибыть в Кремль. Прямо у Спасских ворот их встретили молчаливые офицеры в фуражках с васильковыми околышами и сопроводили, если сказать прямо, отконвоировали, в эту приемную. Дежурный, сидевший у двери за двухтумбовым сто-

лом, который на фоне его габаритов смотрелся скорее небольшим журнальным столиком, вежливо приподнялся при их появлении и негромко проинформировал:

– Прошу простить, но вам придется немного подождать. У господина секретаря сейчас директор ФСБ, министр внутренних дел и командующий внутренними войсками. Совещание...

От этих слов полковник, скромно сидевший в углу приемной, рядом с большим фикусом, нервно повел плечами и поплотнее прижал к себе тонкую кожаную папку.

Ожидание затянулось. Наконец, на столе дежурного мелодично тренькнул селектор. Богатырь что-то ответил и, приподнявшись, указал на двери кабинета:

– Прошу вас.

Внутрь вошли пятеро: генералы и полковник. Хозяин кабинета и трое, скорее всего вызванные раньше, сидели за столом для совещаний.

Голос секретаря прозвучал тяжело и устало.

– Проходите, садитесь.

Все пятеро не мешкая расселись по указанным местам. Секретарь еще некоторое время вчитывался в документы, лежащие прямо перед ним, потом поднял покрасневшие от усталости глаза, сообщил:

– Сегодня, между двумя и тремя часами ночи по московскому времени, группа боевиков неустановленной численности совершила налет на объект 22383, расположенный рядом с поселком Березовый Томской области и, расстреляв караул внутренних войск, совершила хищение...

Тут голос секретаря Совета безопасности слегка подсел, словно ему было тяжело произносить следующие слова:

– Хищение одного ядерного боеприпаса мощностью около пятнадцати килотонн. Такие вот дела, товарищи...

В кабинете повисла звенящая тишина. Генералы ошеломленно переглядывались. Около минуты никто не смел нарушить затянувшуюся паузу. Тягостное молчание первым нарушил секретарь:

– Меры по розыску похищенного пока результата не принесли. Несмотря на то что мы сколь возможно плотно перекрыли пути отхода, существует вероятность того, что похитители уже покинули Сибирский регион. Сообщение о происшествии поступило с запозданием на несколько часов, а руководство местного управления ФСБ и ГУВД края преступно промедлили, перепроверя поступившую информацию и организовывая мероприятия по сохранению ЧП в тайне. Между вероятным моментом совершения акции и временем начала массовых мероприятий по поиску и задержанию нападавших прошло более восьми часов. Одно известно точно – нападавшие все были лицами кавказской национальности. Их видели в гостинице, также видели в городке, еще есть запись с камер видеонаблюдения.

Генералы слушали молча.

– Итак, товарищи, – секретарь был генералом старой закваски и не привык к новомодному обращению «господа». – Мы с вами должны проанализировать ситуацию согласно имеющейся отрывочной информации, наметить план действий и к двенадцати часам доложить президенту.

Он привычным жестом сдвинул рукав дорогого пиджака, глянул на часы:

– У нас осталось полтора часа.

Выждав некоторое время, этакая многозначительная пауза, секретарь обратился к полковнику, скромно сидящему на слегка отодвинутом от стола стуле:

– Прошу вас, полковник. Проинформируйте нас о том, что именно было похищено.

Полковник суетливо вскочил, откашлялся и раскрыл папку. Видно было, что ему очень не по себе, как от присутствия столь высокопоставленных лиц, так и от той ситуации, в которой они все вместе оказались. Начал:

– Изделие 7Б12. Масса в собранном виде – ноль целых пятьдесят пять сотых тонны. Мощность – пятнадцать килотонн. Имеет два взрывателя – электронный и механический, ударного типа. Электронный – основной, до введения кода полностью блокирует любые попытки...

– Бросьте, – оборвал его секретарь Совета безопасности, – о том, что он полностью блокирует, будете вешать лапшу на уши журналистам. Все эти устройства изначально разрабатывались в основном для предотвращения самопроизвольного или несанкционированного подрыва боеприпасов. Это вам не сейфовый замок. Да и сейфы, как хочу заметить, специалисты вскрывают без особого труда. При наличии времени. А раз боеприпас уже у них, значит, времени для работы специалистов у них тоже предостаточно.

Он еще больше нахмурился:

– Если не произойдет чуда... Ладно, продолжайте.

Полковник перевел дух и принялся читать дальше:

– Изделие может использоваться для оснащения носителей типа «Квартет», «Букет» и «Кострома»... – сделал паузу, переворачивая лист. – Носитель типа «Квартет» – оперативно-тактического назначения. Дальность пуска – до восьмисот пятидесяти километров, база – специальный четырехосный автомобиль повышенной проходимости «МАЗ»...

– Достаточно, – раздраженно прервал его секретарь, – характеристики носителей будете докладывать, когда они их угонят.

Он повернулся к начальнику управления военных перевозок:

– Как вообще боеголовка оказалась в этом богом забытом месте?

Генерал бросил взгляд в сторону начальника Главного управления вооружения, собираясь сказать, что это не его проблема, он лишь предоставил вагоны для перевозки, а маршрут и место назначения ему спускают со стороны. Но потом решил, что перекладывать на другого не совсем правильно. Тем более что нужной информацией он обладал. Откашлялся:

– Ну, это из последней партии, товарищ генерал. Той, что летом вывезли из Приднестровья. Тогда как раз шахтеры на рельсы сели, и, чтобы не держать спецвагоны с таким грузом где-то на полустанке, их и завернули... И вообще, насколько я знаю, объект был в перечне разрешенных для хранения ядерных боеприпасов.

Все глаза устремились на командующего внутренними войсками.

– Объект был внесен в перечень в тысяча девятьсот пятьдесят первом году, – пояснил тот. – Но в то время там дислоцировалась целая дивизия, а не батальон общей численностью меньше пяти десятков солдат.

– Так почему он до сих пор оставался в этом перечне? – сорвался секретарь, но тут же взял себя в руки: – Ладно, извините. Об этом уже поздно говорить.

Тут не выдержал начальник Главного управления вооружения, чья подпись на разрешении о переадресовке спецгруза не давала ему покоя:

– Но там же должны быть какие-то системы охраны?

– Все системы охраны прослужили уже по два-три гарантийных срока, – отозвался командующий внутренними войсками, – а нам, в отличие от вас, никаких денег на продление срока гарантии не выделяют. Даже недавнее отключение электроэнергии для батальона было седьмым за последний год. Так что тревогу подняли, только когда «пищевоз» задержался на три часа и по дороге в караул выслали дежурную машину, думая, что они застряли.

– Но ведь они должны были докладывать?

– Чем? Флажками? Телефонной станции и стационарным рациям тоже нужно электричество, а переносные до дежурной части не достают.

– А резервное питание?

Генерал вздохнул:

– Оба дизель-генератора вышли из строя еще полгода назад. Но если бы даже они были исправны, все равно в емкостях не было ни капли солярки. Последнюю сожгли еще прошлой зимой, когда отключения электричества только начались. К тому же...

Командующий внутренними войсками еще тяжелее вздохнул:

– К тому же докладывать было некому, их всех перебили в считанные минуты...

Секретарь недовольно насупился:

– Ладно, не будем об этом, после драки кулаками не машут...

Помолчав, вернулся к основному:

– Вся проблема в том, что если эти люди спланировали операцию по похищению боеголовки, то, значит, они, несомненно, разработали и пути ее доставки в нужное им место. Мои аналитики считают, что, исходя из максимального запаса времени, на который они могли рассчитывать, таких мест может быть только три: Афганистан, Таджикистан и, что менее вероятно, Чечня.

Он тяжело вздохнул и продолжил:

– Еще проблема в том, что мы, из-за вопиющего бардака и преступной безответственности, предоставили им чуть ли не в два раза больше времени. Так что не исключена вероятность, что боеголовка не только уже находится за пределами страны, но и похитители успели провести мероприятия по маскировке. А потому и спутниковый поиск проводить уже поздно.

Он сердито помолчал.

– Как бы там ни было, мы будем отрабатывать все возможные варианты...

Секретарь обвел присутствующих тяжелым взглядом, от которого все невольно подобрались, и закончил:

– Я хочу как можно быстрее получить от вас ответы на следующие вопросы. Во-первых...

Спустя два с половиной часа, сразу после доклада президенту, секретарь Совета безопасности по поручению президента отбыл на аэродром для вылета в Томскую область, собираясь осмотреть все на месте. Уже подойдя к трапу самолета, он обернулся к провожавшему его директору ФСБ и произнес почти шепотом:

– Делай что хочешь, обращай хоть к черту, хоть к Богу, но найди эту боеголовку.

Тот молча кивнул. Обещать что-либо было бессмысленно.

Самолет пробежал по взлетной полосе и оторвался от земли. Директор ФСБ проводил его долгим взглядом, сел в машину и некоторое время молчал, уставившись в одну точку.

Наконец водитель робко спросил:

– На Лубянку?

Директор ФСБ встрепнулся и, отрешенно глянув на водителя, отрицательно покачал головой:

– Нет, давай-ка выруливай на Окружную и жми на север, по Ленинградке. Пожалуй, мне надо повидать одного знакомого. Даже нескольких.

Когда служебная «Волга» директора ФСБ, выехав с аэродрома, свернула на МКАД, следом за ней увязался тонированный импортный микроавтобус. Особо близко старался не приближаться, не маяча на глазах, но тем не менее следовал неотвязно. Через несколько километров его сменил точно такой же микроавтобус, только другого цвета.

* * *

Пот заливал глаза. Гога еле слышно выругался и с усилием потащился дальше. Холодный ночной воздух мало помогал, хотелось сбросить неудобные одежды, жаркие, плотные, и насладиться прохладой, плевать на возможную простуду, лишь бы хоть немного освежить разгоря-

ченное тело, хоть немного отдохнуть, хоть чуточку посидеть, остыть. И чего дома не сиделось, спрашивается, дома, где все такое привычное, воздух чистый, дышится легко и свободно, ни одного мента к тому же. Вах, скорей бы поспать...

Тяжелую железяку, которую всей толпой выволакивали из шахты, будь она проклята за такой вес, увезли на похищенном грузовике, на нем уехала и большая часть группы. Оставшиеся четверо, включая Гогу, занимались тем, что маскировали колею, оставленную машиной, и медленно продвигались вперед. Начинало понемногу светать, вроде и времени не так уж много прошло, а усталость наваливалась неумолимо, будто всю ночь напролет тяжелые мешки таскал.

Гога срезал ножом сломанную ветку, зарыл ее, выровнял и прикидал сверху сухой хвоей, потом перехватил лопату поудобнее и принялся закидывать колею, что особенно сильно выделялась; чертова грязь, чертова погода, никакого отдыха вот уже два часа. Еще малость, и рухнешь от усталости. Автомат, зараза, уже все ноги отбил. Брату, вон, хорошо, неустомимый и выносливый, еще и шутить умудряется, словно только что с постели встал, наверняка служба в армии сказала, наверняка сил в нем, как в медведе.

Наконец с глубокими следами колес было покончено. Гога критически осмотрел свою работу, накидал сверху прошлогодних шишек и двинулся дальше, по пути убирая все признаки того, что здесь проехала машина. Чуть поодаль двигался Ахмад, тоже маскировал след, еле слышно проклинал такие дрянные условия и постоянно курил. Рядом был еще один, молчаливый турок, тот вообще работал молча, лишь хмурое лицо говорило, что и ему здесь тоже не по душе. И как здесь русские живут?

– Все выровнял? – Ахмад повернулся, едва Гога подошел. – Смотри, следов вообще остаться не должно. Хабиб голову оторвет, если хоть что-то останется.

– Все хорошо, Ахмад, ни один следопыт не обнаружит. – Гога вытащил сигарету, прикурил. Снял вязаную шапку и утер лицо от пота. Покосившись на молчаливого турка, спросил, так как последние два часа думал только об этом: – Слушай, Ахмад, а зачем нам та здоровая железяка? Что в ней такого, если пришлось столько русских убивать?

– Это оружие, и очень мощное оружие. – Ахмад выпрямился, опершись на лопату. Прикурил новую сигарету. – Хоть мы и не для себя его украли, но Хабиб придумал одну хитрую вещь.

Ахмад покосился по сторонам, понизил голос практически до шепота:

– Мы обманем заказчика и заберем бомбу себе. Вот такие, брат, дела.

– Бомбу? – Гога невольно ощутил гордость за своего командира Хабиба.

– Не простую, брат, бомбу. – Ахмад поднял вверх указательный палец свободной руки, для важности. – Атомную. Как только доставим ее к себе в горы, то покажем гяурам такой кулак, что мигом уберутся восвояси и никогда больше нас не потревожат. Ну а если не поймут, то взорвем какой-нибудь город. Пусть знают, собаки, свое место.

Гога испытал приступ практически счастья. Надо же, он участвует в таком важном деле, наверняка все будут ему завидовать, когда он вернется домой с победой, сверстники будут слушать каждое его слово, будут называть почтительно, а все красавицы только и будут ждать от него знаков внимания. Потом он поступит в университет, выучится, получит диплом и будет жить богато в Москве, кушать черную икру и пить пятизвездочный коньяк. А если захочет, то вообще в Америку уедет, все же лучше там жить, ментов ни одного нету, и никто не назовет «черным», пусть так называют негров, а он, Гога, будет белым господином, богатым и важным. Купит большой джип, черный. Заведет себе пять любовниц, блондинок, и все будет хорошо.

Подошел брат, хлопнул по плечу, вырывая из мира грез. Усмехнулся:

– Гога-джан, не спи, замерзнешь.

– Так тепло же, брат. – Гога все не мог привыкнуть к такому юмору, уже несколько лет пытался осмыслить подобные шуточки, но ничего не получалось; старший брат после армии и не такое выдавал, похлеще случалось. – Как же я могу замерзнуть, брат, если мне жарко?

Мурад расхохотался во весь голос и опять перешел на свой армейский юмор:

– Надень шапку на х..., а то уши отморозишь! У тебя в руках мухи..., а ты стоишь и ушами хлопаешь.

Гога сплюнул сердито.

– Ну зачем ты так, брат? Почему оскорбляешь меня?

– Работай, не стой, к обеду надо все сделать, – Мурад перешел на нормальный язык, стрельнул у Ахмада сигаретку. – Если не успеем, то придется пешком через всю Россию топать, самолет долго ждать не станет, Гога-джан. А знаешь, сколько ментов в России? И на каждом вокзале тебя будут обыскивать или на сутки задерживать, так что не стой, отдохнем потом.

Гога вздохнул тяжело, надел шапку и поплелся маскировать дальше. Как раз впереди переломанный машиной куст ждал, надо было либо ветки срезать, либо вовсе весь куст из земли выдирать и прятать в стороне. Как ни тяжело, но все-таки ради важного дела старается, для свободы своей родины от наглых гяуров, а ради этого можно и потерпеть. К тому же действительно не хотелось топать пешком через огромную страну, где на каждом шагу злобные менты стоят, мало того, что злобные, так еще и жадные, каждому денег дай, не то сидеть будешь до самой зимы, в каждом городке.

Молчаливый турок выдал из себя первое за сегодня слово, указывая в сторону, туда, где лежало поваленное ветром дерево:

– Дерево...

Мурад и Ахмад недоуменно переглянулись. К чему сказано? Что хотел этим сказать?

– Ты о чем, Али?

Но тот не стал пояснять, поморщился лишь, отмахнулся и принялся забрасывать хвоей след от колеса. К его редким словам уже привыкли и допытываться подробностей перестали.

Гога посмотрел в ту сторону, куда указывал четвертый, но тоже ничего не понял; ну дерево и дерево, сухое, старое, ветром поваленное, а в чем смысл – поди догадайся. Не став более ломать голову, занялся кустом; намеревался просто выдернуть его и замаскировать следы, ветки обрубать не стоило, слишком заметно, проще полностью удалить. В голове помимо воли возникли красочные представления о том, что будет, когда Гога вернется домой после этого дела, как будет жить, богато и свободно, как его все будут уважать, и как Лейла, такая неприступная и высокомерная Лейла, наконец-то растопит лед в своем сердце и наметнет шепотом, какой калым устроит ее отца. Ну а там... там все будет хорошо, и не нужна никакая Америка, никакие джипы и любовницы. А в Россию, будь прокляты ее ветра, менты и морозы, Гога никогда больше не вернется и детям своим закажет. Ну и что, что Москва? Лишь бы счастье в семье было, а где жить – дело десятое. В конце концов, черная икра и коньяк в соседнем ауле продаются.

Дуло автомата пребольно ударило в затылок. Гога вернулся в реальность, сердито поправил ремень и, озвучив самое изощренное ругательство, потянул куст на себя.

Через несколько часов, когда совсем рассвело, все четверо увидели наконец грузовик. Машина стояла на краю довольно обширной поляны, под деревьями, накрытая сверху маскировочной сеткой. Поляна была вполне пригодная для посадки и взлета, только вот вертолета пока что не наблюдалось. Стало быть, успели, стало быть, не придется топать пешком через огромную страну.

Ахмад, к тому времени тоже изрядно уставший, повеселел и зашвырнул лопату в кусты. Остальные тоже побросали инструменты, предвкушая долгожданный отдых, скорый перекус надоевшими консервами и встречу с остальными членами группы.

– Чего-то не видать никого. – Мурад оглядел окрестности из-под руки. – Странное дело.

– Да спят, поди, чего им еще делать? – Ахмад закурил в очередной раз, скомкал пустую пачку и швырнул ее прочь. – Вес-то у боеголовки нехилый, будь она проклята. Не меньше нашего устали, мы-то так, прогулялись налегке, а им пришлось эту дуру ворочать.

Гога вздохнул. Ничего себе прогулялись, еще одна такая прогулка, и можно на небеса отходить. Потом прикинул и вынужден был согласиться с товарищем; боеголовка его чуть не придавила, когда из шахты тащили, если бы не брат, Гоге отдало бы ноги. И чего она такая большая, шайтан ее побери, неужели гяуры не могли поменьше металла использовать? Вроде умные, а как посмотришь вблизи...

Все четверо, полностью расслабившись, заспешили к грузовику, уже не думая о скрытности. Даже молчаливый турок что-то насвистывать начал, чего от него можно было услышать крайне редко, еще реже, чем слова.

...Шедший впереди всех Ахмад вдруг дернулся и без звука повалился на землю. Ноги лишь дернулись пару раз, и упавший затих. Следом упал турок, взмахнув руками, словно запнулся. Гога недоуменно посмотрел на упавших и присел на корточки возле Ахмада, перевернув его. Прямо в центре лба он увидел пулевое отверстие. Хотел было вскочить, закричать или убежать, но в следующее мгновение что-то больно ударило в спину, шею ожгло нестерпимым огнем, тело мгновенно налилось свинцовой тяжестью, и Гога рухнул прямо на мертвого Ахмада. Последнее, что увидел, был его старший брат, загребающий руками опавшую хвою и что-то шептавший...

В десятке метров из кустов поднялся человек, обряженный в костюм «леший». Убрал винтовку за спину, подошел к убитым, и, вытащив пистолет с глушителем, сделал контрольные выстрелы в голову всем четверым. После этого достал рацию и сообщил:

– «Гостей» встретил как полагается, четыре грязные тарелки надо убрать в общую стопку.

Спустя несколько минут подошли три человека в камуфляже и масках. Деловито обыскали четыре трупа, забрали оружие и документы, потом прихватили мертвых за ноги и поволокли к грузовику. Притащив к машине, забросили в кузов, к остальным трупам, поправили маскировочную сетку и присели рядом с машиной, ожидая прибытия вертолета. Снайпер принялся докладывать по рации о завершении операции.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и десяти минут после доклада, как в небе раздалось стрекотанье. Вертолет показался над деревьями, сделал круг над поляной и мастерски приземлился, словно пилот каждый день такие маневры вытворял. Незнакомцы в масках поднялись и двинулись к вертолету.

* * *

Полумрак в помещении кафе, однообразно и приглушенно звучит дежурная мелодия из колонок, скучающий бармен машинально протирает посуду уже, наверное, в десятый раз. Посетителей маловато для субботнего вечера, всего двое, есть от чего скучать, может быть, всему виной дождь, что льет уже целый день, разгоняя праздных гуляк по домам, а может, и цены в этом заведении заставляют направить свои шаги в более дешевые и более многолюдные.

За окнами унылая картина; редкие прохожие под зонтиками, потеки воды на стеклах, блеклая зелень городских насаждений, встрепанная порывами ветра, влажная прохладная пелена, искажающая очертания строений, автомобили с включенными фарами и работающими дворниками, действительно в такую погоду не разгуляешься. А иначе никак – климат в этих краях всегда отличается большой влажностью, поздняя весна в Восточной Сибири обильна на дожди, которые могут идти неделями...

Два единственных посетителя кафе, мужчины, сидят за одним столом друг напротив друга и молчаливо пьют чай, изредка бросая взгляды за окно и явно чего-то ожидая. Один, выраженной азиатской внешности, пьет напиток с удовольствием, а вот второй, русский, выпил бы чего покрепче, но, видимо, эта встреча обязывает к полной трезвости ума или же он хочет выглядеть в глазах другого культурнее. Дескать, чай, только чай, и никакого спиртного.

Оба в годах примерно одинаковых, около пятидесяти, оба одеты респектабельно, но первый выглядит утонченнее, гардероб подобран со вкусом, да и держится как подобает, а вот второй к своему внешнему виду относится несколько иначе; дорогое, чистое да выглаженное, но только лишь. Никакого внимания к тонким деталям совмещения, ворот сорочки распахнут с чисто русской широтой, золотая цепь толщиной в палец выставлена напоказ, в движениях никакой собранности, полная противоположность первому, даже чай пьет иначе. Но тем не менее что-то общее есть у обоих, это не очень бросается в глаза, но все же есть.

У второго зазвонил телефон во внутреннем кармане пиджака. Небрежно достал, приложил к уху, выслушал с каменным выражением лица, которое постепенно смягчилось, даже улыбка появилась, судя по всему, звонок принес ожидаемое.

Он отключил аппарат, убрал его в карман и сообщил сидящему напротив:

– С моей стороны все готово. Обсудим условия?

– Ты меня за этим пригласил? – тот невозмутимо пил чай, выражение лица было задумчивым. – Могли бы и по телефону обсудить.

– Ага, обсудить и ждать в гости полк спецназовцев. Нет, Алик, в таких делах лучше встречаться в подобных заведениях, надежнее. Старый проверенный способ, никаких неожиданностей. В нынешнее время, заметь, даже на улице нормально не поговоришь; любопытные спецы из одного широко известного тебе ведомства прочитают по губам и все испортят. Так что кафе, и только кафе.

– Хорошо, Александр. Кафе. Встретились. Давай обсудим условия.

Русский, довольно богатый промышленник, владеющий несколькими десятками фирм и заводов, имя, естественно, вымышленное, немного подумал, формулируя речь потуманнее; хоть и не на улице, а все же вдруг подслушивают. Потом сделал глоток чая и сообщил:

– То, что ты у меня просил, благополучно взято из одного интересного места, вывезено за пределы того края и сейчас... вернее, через несколько дней начнет движение к Благовещенску. Да, именно так.

Собеседник, он же гражданин Китая, имя, естественно, тоже не родное, взятое для удобства, похожим образом спросил, в тон, что ли:

– А это самое искать не кинутся? Все-таки не булочка с изюмом, а штука серьезная. Была бы булочка, владелец бы и ухом не повел. В нашем же случае искать будет весьма много народу из разных ведомств.

Промышленник отмахнулся. Поведал еще немного обнадеживающей информации:

– Московский друг об этом позаботится. Да и я принял некоторые меры, использовал в качестве похитителей этой серьезной штуки третьих лиц, которые теперь исполнили порученное и уже находятся в... ну-у-у, скажем, в райских куцах... Хотя, подразумеваю, наверху разберутся, кого в... в эти самые условия, а кого – в...

Промышленник задумался, подняв глаза к потолку, есть ли ад у мусульман. Но потом забросил это дело и махнул рукой.

– Короче, каждому по делам его воздастся. Да, именно так.

Китаец тоже не стал лезть в религиозные дебри – у каждого свое. Заинтересовался сроками:

– И долго эта штуковина будет двигаться по направлению к Благовещенску?

– Недели две, я думаю. Надо же ее в подходящий транспорт погрузить, подготовить документы, охрану обеспечить, прочее. Да и к чему спешить, Алик? Поспешешь – людей насмешить.

Китаец сделал глоток чая, аккуратно опустил чашку.

– Твоя правда, Александр. Спешить нам некуда, времени еще предостаточно.

Немного помолчали, сосредоточившись каждый на своих мыслях, заодно и на чае. Непогода за окном еще более разошлась, ливень практически начался, прохожих ощутимо убави-

лось, городские насаждения зашумели сильнее, стекла покрыли потоки воды, делая изображение более расплывчатым, чем до этого. В помещении пахло свежим воздухом, насыщенным озоном.

Наконец китаец перестал разглядывать чашку.

– Как с оплатой, Александр? Ты предпочитаешь наличные? Или же через банк?

Промышленник огладил подбородок, как всегда делал, когда речь заходила о деньгах. Больших деньгах. Пожал плечами:

– Меня, конечно, устроили бы электронные деньги. Но можно и эквивалентом, например...

Он пододвинул солонку, взял щепотку соли, медленно ссыпал обратно, намекая, что помимо такой белой смерти есть еще и другие виды порошкообразных веществ.

– Ну, типа такого эквивалента.

– Я понял тебя, Александр. – Китаец мысленно припомнил места, в которых он может достать необходимое, получалось, что может. – Только это? Или еще чего-нибудь желаешь?

Промышленник задумался. Потом отрицательно качнул головой:

– Нет, всего остального и так девать некуда.

Отодвинул солонку и закурил. Добавил:

– Крокодила хочу большого, Алик. С детства мечтал. Поселю его на одной из усадеб под Новосибирском, как раз бассейн там огромный строю, буду друзьям показывать. Сделаешь?

Китаец странно посмотрел.

– А... а разве у вас не водятся?

– Нет, к сожалению. Вымерзают, падлы.

– Ладно. Будет тебе крокодил.

Промышленник выпустил дым, расплывшись в широкой улыбке. Все уже есть, а вот страшной зеленой рептилии нету.

Китаец же мысленно пытался понять такую прихоть своего партнера. Все ведь есть у русского, зачем крокодил-то понадобился? Быть может, это считается особым шиком среди местных богачей? Беда с этими национальными причудами соседней страны. Беда.

Они еще немного поговорили на отвлеченные темы, изредка переходя к обсуждению основной, потом промышленник пригласил китайца съездить на охоту и рыбалку или же в свой загородный особняк, заодно поговорить серьезно. На том и расстались. Дождь к тому времени кончился, поэтому можно было выходить из кафе. Русский сел в «Мерседес» и укатил, сопровождаемый четырьмя джипами охраны; бритоголовые «братки» битком торчали из внедорожников. Китаец же ушел пешком, решив прогуляться по городу. Следом увязались четыре охранника-китайца, молчаливые и настороженные; Россия их пугала своими обычаями и юмором – вроде же коммунистическая страна была, а как все изменилось за последние два десятка лет...

* * *

Залитые кровью помещения караулки окончательно испортили настроение генерала. И без того мрачное, оно стало еще мрачнее. Походив по помещениям, он обратился к сопровождающему его полковнику:

– Как же так вышло, что всех перестреляли?

Полковник пожал плечами, как уже делал последнее время довольно часто. Попытался выстроить предположение:

– Возможно, их застали врасплох, товарищ генерал? Приехали на «пищевозе», никто же не знал, что вместо завтрака придет такое...

Секретарь прошел к пульту дежурного. Осмотрел. И здесь кровь, такое ощущение, что специально налили побольше, не жадничая нисколько. Оглянулся на сопровождающего:

– Семьям погибших сообщили?

– Сообщили, товарищ генерал. – Полковник кивнул несколько раз. – Осталось только дозвониться до родных прапорщика Деревянко. Он с Украины...

– Это начальник столовой?

– Так точно, товарищ генерал. Тело уже доставлено в городской морг... Скорее всего, грузовик остановили по дороге, там, где и нашли прапорщика с водителем. Если так, то наверняка нападавшие были в военной форме, иначе бы прапорщик не остановился – по инструкции запрещено...

Секретарь отошел от пульта, приблизился к окну. Осмотрел пулевые отверстия, над которыми уже поработали военные эксперты.

– А сколько нападавших было?

– Приблизительно два десятка, товарищ генерал. В гостинице видели приезжих, как раз накануне нападения несколько человек сняли номера. Также видели их и на рынке, предположительно, все – лица кавказской национальности. Военная прокуратура установила и транспорт, на котором основная часть налетчиков прибыла в городок, – импортная фура, груженная всяким хламом для отвода глаз. Она сейчас на штрафной стоянке находится. Зарегистрирована на подставное лицо.

– Что еще известно?

– Удалось установить несколько лиц, но прежде они ни по каким сводкам не проходили. Единственная зацепка – Хабиб, с ним связано два разбойных нападения в Ростовской области, также его видели в ближайшем окружении полевого командира Таймураза. Ну, это тот, которого в прошлом году подстрелили в Чечне. На этом все, товарищ генерал.

– Негусто, негусто...

Полковник вытянулся, всем своим видом показывая служебное рвение:

– Работаем, товарищ генерал.

Секретарь потерял интерес к окну. Вышел на улицу подышать свежим воздухом и покурить, тем более что залитые кровью помещения мало располагали к нахождению в них. Запах смерти еще витал в стенах караулки...

Полковник неотступно следовал рядом, словно некая тень, от которой не избавишься. Услужливо поднес зажигалку, едва секретарь вытащил сигарету из пачки.

– Прилегающий лес осмотрели?

– Осмотрели, товарищ генерал, никаких следов.

– Что же они, по воздуху убрались? Должны же остаться следы от грузовика, это не легкая иномарка, да и грязь кругом. Пошлите кого-нибудь снова проверить, пусть землю носом роют, но найдут следы.

– Есть, товарищ генерал...

Секретарь стряхнул пепел, мысленно усмехнувшись: работнички... Пока носом не ткнешь, так и будут на одном месте топтаться, без каких-либо результатов. Вот она, нынешняя армейская исполнительность, во всей красе. Установили, что вроде бы чеченцы напали, и руки сложили; дескать, Чечня, боевики, теракты, и этим все сказано, а мозгами пошевелить не хотят нисколько. Даже как следует поискать не хотят, совсем расслабились.

Он спустился с крыльца, запахнув плащ; начинался дождь, мелкий и въедливый. Миновал отметки на дорожке; три трупа еще с утра здесь лежали... Остановился у калитки.

Указал на следы покрышек «пищевоза»:

– Вот, ясен же рисунок, неужели в округе вообще никаких следов от колес не осталось? Тут же не оживленная магистраль, никто ведь не ездит. Быть такого не может, чтоб следов не осталось.

Полковник развел руками:

– Все обыскали, товарищ генерал. Ничего нет, ни на въезде, ни по периметру, похитители как сквозь землю провалились.

– Что, даже отпечатков пальцев не обнаружили?

– Даже их...

– Хреново работаете, полковник. Хреново.

Тот отнес это на свой адрес, понял, что угодил под горячую руку, но тем не менее подделывать ничего не мог; сопровождать секретаря выпало ему, следовательно, приходилось терпеть. Попытался хоть немного отвести от себя угрозу:

– Вероятно, нападавшие замаскировали следы от колес, вот и не можем найти. Но это дело поправимое – три военных спутника уже перенацелили на наш район, еще немного, и обнаружим мерзавцев, грузовик наверняка их выдаст. Ну а там...

– Пока вы их искать будете, полковник, они уже страну покинут. – Секретарь оборвал его, поморщившись. – Оперативнее надо действовать. Оперативнее. Вы хоть понимаете, что они могут сделать с похищенной боеголовкой?

– Не совсем, товарищ генерал...

– Это-то и плохо, полковник. Тут многого не надо, засунул в вагон с металлоломом или же в стандартный морской контейнер, прицепил взрыватель с радиоконтуром, вывел наверх скрытую антенну и дождался, пока вагон дотянут до Москвы-Сортировочной. И привет... А то и вовсе – Америку потревожат, и это будет похлеще, чем памятное одиннадцатое сентября, двумя небоскребами дело не ограничится...

Генерал выкинул недокуренную сигарету. Смерил полковника тяжелым взглядом:

– И все почему? Да потому, что хранение и охрану атомного оружия доверяют хрен знает кому. Я бы не удивился, если бы эту боеголовку на цветной металл разобрали местные алкаши да пропили бы... Что морщишься, полковник? Думаешь, я не прав? Думаешь, что случайность всему виной? А какого хрена сигнализация объекта выведена на единый кабель? Какого хрена она сбоит постоянно, а?

– Ремонт...

– Даже не думай про финансирование заикаться! Деньги перечислялись вовремя! И где они? Сколько дач на них построено? Сколько иномарок куплено?

– Товарищ генерал...

– Не пререкаться, полковник. Молчать! – Секретарь еле удержался от грубости, вовремя остановившись. Закурил новую сигарету и двинулся к ожидающей его машине, напоследок бросив через плечо:

– Ищи боеголовку, полковник. Землю носом рой, но ищи. А нет, так... так – под трибунал...

Сев в машину, генерал стряхнул с плаща капли воды. Окинул взглядом весь этот бардак, именуемый секретным военным объектом, выругался сквозь зубы. Потом, тронув водителя за плечо, приказал:

– Давай в город. В гостиницу. Персонал наверняка больше знает, они наблюдательнее...

– Есть, товарищ генерал.

В гостинице уже работали несколько человек из военной прокуратуры. Двери номеров, в которых останавливались выходцы с кавказских республик, были открыты, эксперты добывали отпечатки пальцев. Тут же находилась и регистраторша, которая была в тот день за стойкой и помнила этих самых «чурок», как их привыкли здесь называть. В который уже раз, наверное, отвечала на одни и те же вопросы следователя.

Генерал зашел в номер, огляделся в поисках стула, но не найдя такового, сел на кровать, собираясь послушать, что женщина говорит.

А говорила она такое:

– Я сначала и не думала на этих, что они несколько номеров снимут. Обычно же всей толпой в одной комнате селятся, а тут...

Развела руками...

Следователь отметил что-то в своем блокноте. Задал еще вопрос:

– О чем они говорили, не помните?

– Я их спросила, чем торгуют. Говорят, что виноградом. Обещали угостить, кстати.

Следователь указал на пакеты, что так и лежали в номере, те самые, что купил Гога.

– Этот?

– Ну наверное, откуда же мне знать, – регистраторша пожала плечами. – Виноград, он и есть виноград...

– А лица, внешность запомнили?

– Где уж тут запомнишь? Они все на одну рожу, только одежда разная.

Генерал еще немного послушал, не прерывая, потом вышел из номера. Прокуратура неплохо работала, мешать не стоило. Только вот что-то подсказывало, что устанавливать личности бесполезно. Либо документы поддельные, либо и вовсе задействованные в нападении ни разу по милицеским сводкам не проходили, кроме лишь Хабиба. Да и сам боевик вряд ли какую-то зацепку даст. Теперь найди его, наверняка уже все нападавшие умотали подальше отсюда, времени для этого у них было предостаточно. А раз скрылись, то теперь жди, где с боеголовкой вынырнут, да так вынырнут, что мало не покажется никому. Смертники с поясами взрывчатки детской шалостью выглядеть будут...

Навстречу попался какой-то майор. Тяжело дышал и вспотел, словно пробежал не меньше десяти километров. Завидев генерала, оправил форму, подошел и, козырнув, доложил:

– Товарищ генерал, местные охотники обнаружили пропавший грузовик в пятнадцати километрах к северо-востоку. Говорят, что там полно трупов. Опергруппа уже готова, ждем вашего решения. Вертолет на аэродроме.

Секретарь освобожденно вздохнул; общая картина мало-мало начинала проясняться, еще немного, и можно будет строить реальные предположения насчет дальнейшего пути похищенной боеголовки. Оглядел майора с ног до головы, бросил коротко:

– Веди.

«Пищевоз» стоял с краю обширной поляны, укрытый маскировочной сеткой. Такой действительно с воздуха не обнаружишь, и конкретно повезло, что грузовик обнаружили местные жители. Не случись такого, еще неизвестно, куда завели бы слепые поиски, а теперь... теперь кое-что можно было предполагать более-менее уверенно.

Генерал отошел от вертолета, придерживая кепку. Приблизился к двоим местным охотникам, именно они звонили в местное УВД и сообщили о своей находке. Пожал руки в знак приветствия и благодарности.

– Как нашли, мужики?

– Случайно наткнулись. Думали, что учения тут проводят, а в кузов глянули... какие, к чертям, учения, там трупов до жути. И все кавказцы...

Генерал подошел к машине, заглянул. Тут же отвернулся и отошел подальше; кровища аж с борта стекает, лежат вповалку, жуткая картина.

Следом заглянул майор. Тоже быстро отошел от машины...

– Что же это... кто ж их так?

Генерал усмехнулся, совладав с собой.

– Кто бы ни был, а задачу они нам упростили.

– О чем вы, товарищ генерал?

– О том, что это не чеченцы сперли боеголовку. Их просто использовали как отвлекающий маневр. И если бы этот грузовик не нашли так быстро, искать бы нам пришлось очень долго.

* * *

Секретарь Совета безопасности вернулся из Томской области в Москву в мрачном настроении. Несколько дней прошло, а о похищенной боеголовке известно только то, что сперли ее не чеченцы. Президент, как узнал, долго ругался и пригрозил всех поувольнять, к чертям. Настроение еще больше ухудшилось, когда секретарь прочитал доклады резидентов по всему ближнему зарубежью; ни слова о готовящихся сделках, в которых бы промелькнуло похищенное, словно те, кто устроил нападение на законсервированную шахту, сперли боеголовку для себя и спрятали ее неизвестно где. Если уж воровать, то для чего еще, как не для сбыта?

Секретарь сидел у себя в кабинете и растерянно вертел в руках зажигалку. Вот-вот должен был подъехать директор ФСБ, может, он хоть чем-нибудь порадует, не зря же такое кресло занимает. Поднимет связи, зашлет агентов, подключит весь огромный штат своего ведомства, и наверняка что-то да всплывет, должно всплыть, должно. Иначе совсем хреновые дела – в родной стране воруют все подряд, даже атомные боеголовки, и никто этому помешать не может, докатились. Так, глядишь, и весь ядерный арсенал Родины разворуют за несколько лет, ну а там и за авиацию примутся, за корабли, за остатки танковых войск, все растащат. Вот дела...

Зажигалка выпала из руки. Секретарь поднял ее, положил на стол.

Кто мог украсть? Кому нужна боеголовка? Если не чеченцы, то кто еще может использовать такое оружие в своих интересах? Чеченцам что – теракт устроить или напугать кого-нибудь. Но на этот раз похитили вовсе в непонятных целях, неизвестно кто вдобавок, и теперь жди, что из этого последует. Либо в Америке полыхнет, либо где-то в Европе, либо – вовсе в России. Хотя нет, в России не должно, не стали бы отвлекающий маневр с чеченцами устраивать, просто бы сперли и отправили в ближайший крупный город для подрыва. Тут что-то другое, похоже, неведомые похитители намереваются замести следы, оборвать все связующие нити, дабы их и не пытались искать.

Донесся вежливый стук в дверь. Секретарь стряхнул тяжелые размышления, напустил на лицо нейтральное выражение, хотя вовсе не хотелось улыбаться и лицемерничать, в пору самому матом ругаться и размахивать руками.

– Войдите.

Вошел вызванный директор ФСБ. Прикрыл за собой дверь, поздоровался. Выражение лица было несколько оживленнее, как показалось секретарю, скорее всего, дело сдвинулось с мертвой точки. И действительно:

– Нашлась боеголовка. – Директор ФСБ не стал долго тянуть, уселся в кресло напротив, обрадовал. – Сейчас она непонятно пока где, но, скорее всего, движется в сторону Восточной Сибири. Несколько скрытых сотрудников моего ведомства записали переговоры крупного промышленника с неким Аликом, выходцем из Китая. Так вот, скорее всего, речь шла о купле-продаже этой самой боеголовки.

Секретарь ощутил, что еще немного, и он сам начнет улыбаться. Единственная хорошая новость за весь день. Да и вообще за последние дни. Наконец-то объявились похитители, оказывается, китайцам боеголовка понадобилась, дела...

Закурил, достав пепельницу из ящика стола. Положил зажигалку рядом с сигаретной пачкой.

– Арестовывай этих гадов.

– Пока нет оснований, предъявлять им нечего. От любых обвинений откредитуются. Промышленник начнет вопить о притеснениях, шумиху в прессе поднимет, тысячу адвокатов наймет, а китаец... китаец – вовсе подданный иностранного государства. Тронь его, международный скандал поднимется.

– И что делать теперь? Ждать, пока они свою сделку провернут?

– Да.

– Ты сдурел, не иначе?! – Секретарь аж привстал в кресле, но потом взял себя в руки, сел, проговорил уже тише: – Нельзя допустить ни сделки, ни дальнейших переговоров. Сам подумай, на территории страны совершаются нелегальные сделки по продаже-покупке ядерного оружия! Что о нас Европа подумает? Во всю глотку начнут кричать, что Россия террористам способствует, мировой порядок нарушает, позволяет похищать у себя же страшное по мощи атомное оружие.

Директор ФСБ развел руками:

– А как еще? Ну, арестую я их, начну следствие, прочее. Боеголовка вообще в таком случае навсегда растворится на необъятных просторах нашей страны, где ее потом искать. Нужно дожидаться, пока она не всплывет, а уж потом действовать. Пусть встретятся, совершат свою сделку, тут я их за жабры-то и прихвачу. В таком случае промышленник не отвертится, с поличным пойман, пусть хоть всех адвокатов мира наймет, я все равно его посажу лет на сорок. А китаец своим подданством пусть... э-э-э... короче, не поможет оно ему, сидеть будут на одной зоне, за полярным кругом. Даже в один отряд определю, если не забуду.

Секретарь ткнул в пепельницу недокуренную сигарету. В словах генерала был резон, но допустить, чтобы состоялась сделка... После этого такой шум поднимется, что можно будет распрощаться со своим креслом минимум и уйти в вынужденную отставку навсегда. А то и вовсе – в места не столь отдаленные загнать. За тот же полярный круг...

– Других вариантов нет? Зашли больше агентов, возьми на прослушку все телефоны этого промышленника, вообще всю Восточную Сибирь на прослушку поставь.

Директор ФСБ отмахнулся:

– Пустое это все. Я уже пытался, но встретил непонятное сопротивление.

– Поясни.

– Четыре моих агента пропали без вести в первый же день. Еще пятеро – на следующий. Вдобавок – почему-то все сводки оттуда вдруг стали кристально чистыми, даже о наркоте уже неделю ни одного сообщения, словно кто-то там сидит и решает, какую информацию в Москву допустить, а какую не надо. Кто-то работает против нас, и довольно успешно.

– Так найди! Ты же директор Федеральной службы безопасности! У тебя все в кулаке должны быть!

– Пытался... Это здесь я директор и все мне подчиняются, а за Уралом...

Секретарь почувствовал, как настроение вновь скатилось на самую нижнюю отметку. Прикурил новую сигарету, швырнул зажигалку на стол. Пристально посмотрел на собеседника:

– И что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, смотреть, как два наглеца торги устраивают атомным оружием? Так?

Директор ФСБ придвинулся ближе, словно боялся, что их могут подслушать. Сообщил, понизив голос:

– Я могу отправить две группы самых подготовленных спецов, они-то и предотвратят сделку, заодно и боеголовку найдут.

Немного подумал, продолжил:

– Да и того, кто мне противодействует, на чистую воду выведут.

– Думаешь, справятся? – секретарь недоверчиво усмехнулся. – Дело-то серьезное, промашки быть не должно. Сам понимаешь, уйдет боеголовка в Китай, нам с тобой не только отставка светит.

– Понимаю. Поэтому и отправлю самых лучших. Лично отберу.

– Ну, смотри.

Директор ФСБ начал загибать пальцы, разогнав сигаретный дым рукой:

– Во-первых, будет тайная и официальная группы. Во-вторых, самых опытных отберу, у меня настоящие головорезы есть, всех недовольных попросту перестреляют, но задачу выполнят любой ценой. В-третьих, широкими полномочиями наделю, будут действовать от моего имени. В-четвертых...

Зазвонил телефон, не дав договорить. Секретарь знаком призвал помолчать, поднял трубку.

– Да, господин президент... Да, нашлась... Восточная Сибирь... Принимаем все меры к перехвату... Ну-у-у, около недели... Хорошо... Все сделаем, не беспокойтесь...

Секретарь опустил трубку в гнездо телефона. Прокашлялся, затушив сигарету. Строго посмотрел на директора ФСБ:

– За неделю справишься?

Тот пожал плечами, неделя – это слишком маленький срок. Неуверенно кивнул:

– Думаю, справлюсь.

– Делай, что хочешь, хоть полк спецназовцев туда отправь, хоть два полка, но останови их. Боеголовка должна остаться в России, в Китай ей дороги быть не должно.

Директор ФСБ кивнул уже увереннее. Получалось, что дали практически полную свободу действий, посему следовало пожестче обойтись с похитителями, заодно и того наглеца, что противодействует, отловить и... и... и по ушам надавать минимум.

Он поднялся из кресла. Попрошался с секретарем Совета безопасности и отправился в свой рабочий кабинет на Лубянку, собираясь переворошить кучу досье и отобрать самых опытных и преданных офицеров, сформировать из них две группы, тайную и официальную, отправить в Восточную Сибирь, дабы навели там порядок и нашли наконец эту проклятую боеголовку.

Сел в машину. Вытащил из кармана небольшую фляжку с коньяком, сделал пару глотков. Приспустил стекло и закурил.

– На Лубянку давай.

Водитель свернул газету, отбросил ее и повернул ключ зажигания.

– Есть, товарищ генерал.

Едва служебная «Волга» выехала из Спасских ворот Кремля, следом за ней увязался тонированный импортный микроавтобус, который уже несколько дней следовал неотступно, меняясь лишь на такой же другого цвета. Тот самый неизвестный, что препятствовал генералу, не хотел пропускать что-то важное, поэтому откровенно наглед, взяв генерала под неусыпный контроль.

* * *

Директор ФСБ прошелся перед строем из двенадцати человек, коих лично отобрал для предстоящего дела из самых лучших и подготовленных. Каждому в глаза заглянул, пытаясь высмотреть там сомнение или чуточку страха. Не нашел ни того ни другого, это радовало. Орлы, понимаешь, головорезы, монстры, за плечами каждого не один десяток успешно проведенных операций, на таких действительно можно положиться, не боясь, что подведут или не выполнят поставленную задачу. А дело предстояло сложное, слабаки или трусы не подойдут, Родина в опасности, и ее надо спасать. Надо найти похищенную боеголовку во что бы то ни стало.

Директор остановился рядом с первым. Оглядел пристально с головы до ног.

Здоровенный, зараза, в плечах метра два, поговаривают, что этого неистового майора до сих пор в Кандагаре боятся, а его именем детей пугают непослушных, если те спать ложиться не хотят. Да что Кандагар! В других горячих точках этот богатырь тоже себя проявил. Ходят слухи, что даже уши срезал в коллекцию... Вот и правильно, именно такие воины должны Родину защищать, да так защищать, чтоб все чудом уцелевшие враги с истошными вскриками по ночам просыпались, вспоминая пережитые кошмары.

Генерал перешел к следующему. Оглядел не менее внимательно.

Ну-у, этот не столь впечатлительным обликом обладает, гораздо меньше по габаритам и росту, но... но об этом капитане известно, что даже у инопланетян может выведать маломальские секреты их родной планеты, настолько легко входит в доверие и влезает в душу. Больше того – разведки нескольких европейских государств до сих пор на него зуб имеют, после того как «пошерстил» в тех краях, выведал все что можно и принес добытое Родине на блюдечке. Причем... причем два государства вообще в плане не значились; захватил их секреты попутно, не смог удержаться от соблазна.

Третий был еще меньше ростом. Даже генерал возвышался над ним, хотя никогда не считал себя высоким.

Подрывник от природы, мастер своего дела, кошмар для мостов и укрепленных объектов противника. В годах уже, но кто сказал, что возраст плохо влияет на мастерство? Наоборот! Сей специалист еще Вьетнам застал, да так застал, что американские ветераны той войны до сих пор нещадно матерятся, вспоминая, как на стороне противника действовал отмороженный мастер подрывных дел; в туалет с саперами ходили, в каждом бугорке фугас видели, письма вскрывали на расстоянии, каждый новый день считали последним в своей жизни.

Генерал шагнул к четвертому. Всмотрелся в глаза, пытаясь выглядеть там хоть что-то из слабостей. Не смог.

Досье на этого бойца удивляло количеством убитых боевиков. Хоть и молод довольно, да и чином невысок, младший лейтенант всего лишь, но этот хлопец являлся лучшим снайпером из возможных. А ведь раньше никто об этом и не знал. Узнали потом, хотя началось все довольно необычно; взвод попал в окружение, почти всех перебили, остался лишь этот одаренный. Прошло больше месяца, и горы почему-то сильно обезлюдели, хотя до этого времени буквально кишели боевиками. Пропало четыре крупных отряда, также потерялись и их командиры. Стали разбираться – никто так и не понял причины. И вот, спустя еще две недели, с гор спускается этот самый уцелевший. В руках снайперская винтовка, трофейная, вся покрыта черточками, свободного места не видать. Спускается и скромненько просит выделить патронов побольше; дескать, стрелять нечем...

Директор ФСБ перешел к пятому. Невольно оглянулся на первого, так как, похоже, оба были братьями или же вели одинаковый образ жизни.

И где таких выращивают? Богатыри! Орлы! Первый пусть малость злой, даже на роже написана ненависть, еле сдерживаемая, а этот вроде не такой нервный, спокойнее выглядит, умиротвореннее. А глаза... имей генерал такие чистые и ясные глаза, он бы стал президентом, не иначе. Тем не менее, стоящий перед генералом капитан был таким спокойным только на первый взгляд. Досье еле вмещало строгие выговоры за частые драки, пьянство и мордобой. Генерал бы и не выбрал такого монстра, не знай о нем как о непревзойденном мастере рукопашного боя. Слухи ходили интересные, якобы этому капитану наплевать на количество противников, любую толпу в асфальт затопчет, любого каратиста пополам разорвет, ему даже не победа важна, а сама драка. Процесс, так сказать. Вот и чудит в мирное время, драки ищет, нервничает, хочет бури... э-э-э... как это там было... в общем, без рукопашной жить не может, мятежный. Да.

Шестой совсем не был похож на воина. Скорее на студента. Очки, пробивающаяся борода. Если бы не офицерский мундир, если бы не звание старшего лейтенанта, генерал бы никогда не подумал, что в армии есть такие люди.

Впрочем, этому воевать незачем. Его стихия – компьютеры. Причем родная стихия. Директор ФСБ отчетливо понимал, что в современном мире без хакера не обойтись. А стоящий перед ним старлей и был хакером. Да таким, что... что запросто мог взломать бортовой компьютер современного истребителя и сделать боезапас самолета бесконечным.

Седьмым был специалист по радиоразведке, незаменимый человек в предстоящем деле. Именно он должен был наводить остальных на пропавшую боеголовку. А он на это был способен, еще как способен. Поговаривали, будто ему предлагали тепленькое местечко в институте ядерной физики, но он всех послал на хрен и сказал, что просиживать штаны не собирается. Добавил, что в армии тоже можно много чего в ядерных делах открыть и стать настоящим ученым. Его пытались переубедить, говорили, что в армии инициатива не приветствуется, но он хитро усмехнулся и сказал много чего в свое оправдание, самым культурным было такое «это как поглядеть». И не ошибся, кстати. Многие его сверстники уже на пенсии. А по этому полковнику и не скажешь, что ему пять десятков лет недавно исполнилось. Максимум тридцать пять дашь. Ходила даже шутка, что если этого гения вооружить отверткой и посадить на летящую ракету с ядерной боеголовкой, он сможет ее обезвредить еще до того, как она достигнет цели.

Генерал расплылся в широкой улыбке, пожал руку седьмому, по плечу похлопал. Потом, спохватившись, напустил на лицо серьезное выражение, нахмурился и перешел к следующему.

Дальше шел специалист по виртуозному вождению любого транспортного средства, даже такого, которое еще не изобрели. Наизусть знал все виды моторов, все марки топлива, все размеры гаечных ключей, и прочее, прочее, прочее. Мог с закрытыми глазами... нет, это любой опытный механик сможет... короче, мог в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения, и это документально подтверждено не раз, проехать через всю Москву, минуя все посты ДПС, и еще ни разу его не остановили даже за малейшее нарушение правил дорожного движения. А уж о том, чтобы по звуку работающего мотора определить неполадки в электропроводке, это... это хоть сейчас. Генерал вспомнил потуги своего личного водителя, когда внезапно что-то ломалось в машине. Уважительно покачал головой.

Шагнул дальше, но потом, вспомнив, кто стоит девятым, постарался не выказать своего страха, что ли, потому что тяжелый взгляд полковника, стоящего сейчас перед ним, очень настойчиво располагал выложить все грешки и тайны, вплоть до семейных. А оно и немудрено: у этого полковника даже заграничные супершпионы раскалывались в первые же десять минут. Самый стойкий, как поговаривают, продержался ровно двадцать шесть минут, а потом слезно просил его выслушать, но... но специалист по дознанию уже не смог остановиться. Вот и сейчас, негодяй, наверняка действует на уровне рефлексов, плевать, что перед ним директор ФСБ, вон как зыркает, того и гляди не удержится и допрос начнет.

Генерал поспешно шагнул дальше, но и потом чувствовал затылком буравящий взгляд полковника.

Десятым значился специалист по знанию иностранных языков. Прапорщик. Генерал включил его в состав выбранных на всякий случай, еще неизвестно, куда занесет группы в процессе поисков боеголовки, вполне возможно, что и в Китай или рисовые республики, а там поди пойми местные диалекты, так что этот офицер не помешает, еще как не помешает. Поговаривают, что он даже язык древних индейцев майя знает.

Генерал припомнил эпизод из недавнего выпуска новостей. Спросил, не удержавшись:

- Прапорщик, а что там в календаре майя написано?
- Херня всякая, товарищ генерал.
- Понятно.

Генерал припомнил интерес своей супруги относительно предсказания майя. Усмехнулся. Если специалист сказал, что не стоит обращать внимания на всяческие слухи, то, стало быть, так и следует поступать. Удумали, понимаешь, конец света, больше заняться нечем, что ли?

Дальше генерал не пошел, там стояли два командира групп, внимания на них заострять не стоило, у каждого за плечами по тридцать лет работы, эти не подведут, ясен перец. Он вернулся к своему столу, взял папку с последними разведданными по Восточной Сибири, многозначительно потряс ею в воздухе и решил приступить прямо к делу.

– В общем, так, господа офицеры. Из-за халатности некоторых лиц произошло хищение атомной боеголовки мощностью пятнадцать килотонн. Мы поначалу думали, что это сыны гор постарались, но, как впоследствии выяснилось, – их использовали как прикрытие и отвлекающий маневр. На самом же деле боеголовку сперли совсем другие люди. И эти-то другие, едрен их батон, преспокойненько собираются переправить ее в Китай через Благовещенск. Ваша задача – этому беспределу помешать, помешать всеми имеющимися средствами. Можете действовать на свое усмотрение, но чтобы боеголовка из России не выехала. Я вас отобрал как самых талантливых и лучших, и я очень на вас надеюсь... В этой папочке вся информация по данному делу.

Генерал положил папку на стол, чтобы все видели. Продолжил:

– Открыто вмешаться мы не можем, так как боеголовка попросту растворится в тех краях и ее потом не найти. Так что Родина решила положиться на вас, господа офицеры, и именно от вас Родина ждет исполнения долга. Найдите боеголовку, найдите.

Директор ФСБ еще много чего говорил, но судить о реакции слушателей на свои слова он мог лишь по медленно разгорающимся мрачным огням в двенадцати парах глаз.

* * *

Двенадцать человек, выбранные директором ФСБ, без приключений добрались до Благовещенска на военном самолете. Во время полета определились с составом групп, официальной и тайной. Первой предстояло провести проверку подозрительных сотрудников в местных гарнизонах и выявить тех самых подкупленных, о которых сообщала разведка; дескать, без местных боеголовку в Китай никак не переправить, ищите, мол, ищите. И-щи-те. Также на официальную группу ложилась обязанность связи с Центром и прочая административная чепуха, вплоть до документального обеспечения.

Посоветовавшись довольно бурно и продолжительно, все пришли к выводу, что в состав официальной группы надо включить капитана, который в доверие даже к инопланетянам влезет, его характерные способности были как нельзя кстати. Потом – компьютерщика, раз уж кулаками махать не горазд, то пусть все компьютерные сети перекапывает, он в этом дока, ему и флаг в руки. После выбор пал на специалиста по вождению, должен заведовать транспортом и отвечать за мобильность перемещений группы, даже обеих групп. Затем – само собой – специалиста по дознанию, ужасного полковника со специфическим взглядом, выявлять засланных и подкупленных ему сами небеса помогают, стоит полковнику только взглянуть пристально на подозреваемого или же набор «инструментов» показать. Ну и спеца по иностранным языкам включили; его все равно девать было некуда, не в тайную же группу вносить, вот и взяли в первую, мало ли, может, с китайскими пограничниками разговаривать надобность возникнет.

Во вторую группу, тайную, вошли, естественно, оба богатыря, кулачный аргумент в трудных спорах очень весом, когда словами уже не переубедить... Одаренный снайпер, которого только обидь, так сразу же припомнятся безлюдные горы в одной соседней стране. Подрывник с гигантским стажем, ночной кошмар американских ветеранов вьетнамской войны. Ну и специалист по радиоразведке, фактически самый главный знаток самого главного в обеих группах,

без него как без оружия. Если же что-то с официалом не заладится, всякое может быть, вторая группа должна была действовать самостоятельно, используя более убедительные методы поиска: стрельбу, мордобой, подрыв объектов. Также второй группе вменялось в обязанность вызвать в случае необходимости полк ВДВ, который базировался в Хабаровске и был готов к немедленному вылету и десантированию.

Аэродром покинули разными путями, предварительно договорившись о связи, точках встреч, ну и прочем важном. Первая группа полным составом погрузилась в арендованную «Газель» и отправилась в город, собираясь прогуляться по зданию военной комендатуры, затем еще несколько контор посетить, ну и окончить свой на сегодня намеченный маршрут у пограничников. Вторая же группа, тайная, выждав несколько часов в небольшом кафе, отправилась вовсе за город, арендовав японский микроавтобус вместе с водителем, что очень кстати подвернулся. На нем планировалось доехать до Белогорска, промежуточной станции, и попытаться устроить там засаду, так как боеголовка, возможно, приедет по железной дороге. Первая группа должна была тоже прибыть в Белогорск, только позднее, после того как с делами управится и всех предателей выявит.

Благовещенск встретил длинной и плотной автомобильной пробкой, растянувшейся на десяток кварталов, отчего сразу напомнил Москву. Разница заключалась лишь в том, что большинство автомобилей были китайской сборки. Китай рядом, зачем ехать в Тольятти или еще куда-то, когда вот они, машинки, рядом, на любой вкус и цвет, покупай не хочу, да и цены намного ниже. «Газель», с ее габаритами, мгновенно увязла в транспортном потоке, и конца этому видно не было. Члены первой группы сердито созерцали юркие небольшие машины, коим никакого труда протиснуться из ряда в ряд не составляло, даже в подворотню свернуть было проще, дабы там прокрасться и выскочить где-нибудь впереди. Все молчали, хмурились, лишь компьютерщику было все равно – жил в ноутбуке, мало в реальном мире присутствуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.